

Наталья Антонова

Поэзия УБИЙСТВА

РАССЛЕДОВАНИЕ
ЗА
ЧАШЕЧКОЙ
— чай —

— Уютный детектив —

Наталия Николаевна Антонова
Поэзия убийства
Серия «Уютный детектив»
Серия «Частный детектив
Мирослава Волгина», книга 25

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69422374
Поэзия убийства / Наталия Антонова.: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-189178-7*

Аннотация

Наталия Антонова радует своих читателей оригинальной загадкой: Мирославе и Морису предстоит расследовать убийство, которое было вдохновлено поэзией!

Следователь Наполеонов был не очень знаком со стихами Маяковского, но после случившегося с Фролом Тавиденковым ему пришлось погрузиться в творчество гениального поэта. Крупного бизнесмена убили в «стиле Маяковского»: утопили в бочке с ананасами с рябчиком. Кто-то, по совету классика, убил нынешнего буржуя Тавиденкова, и следователю Наполеонову остается только одно – обратиться за помощью к блистательной сыщице Мирославе Волгиной...

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	53
Глава 5	69
Глава 6	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Наталия Антонова

Поэзия убийства

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*

Автор

© Антонова Н.Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

РАССЛЕДОВАНИЕ
• За •
ЧАШЕЧКОЙ
- заю -

В зелёном сумраке травяных зарослей сверкали капли ночной росы, точно не улетевшие вслед за ночью светлячки.

– Даже не верится, что уже август, – тихо сказал Морис Миндаугас, сотрудник детективного агентства «Мирослава».

Мирослава Волгина, глава агентства, уловив в его голосе грусть, ласково улыбнулась и ответила:

– А я люблю август! Ты только посмотри, какие яблоки и груши созрели в нашем саду.

– Да, – согласился он, – пора варить варенье.

Мирослава весело рассмеялась, спустилась с крыльца, на котором они сидели втроём, и направилась в цветник.

Третьим был большой чёрный кот Дон, который не принимал участия в разговоре, а просто лежал на крыльце и довольно щурил свои большие жёлтые глаза на ярком, но не обжигающем, как ещё совсем недавно в июле, солнце.

Увидев, что хозяйка удаляется по дорожке, он сбежал по ступеням, перепрыгивая, точно белка, по нескольким ступеням сразу.

Дон нашёл Мирославу возле георгинов. Она уже срезала белый и жёлтый георгины и теперь потянулась к вишнёвому. Заметив боковым зрением кота, она спросила:

– Правда красиво, Дон?

– М-р, – охотно подтвердил он.

У них в коттедже постоянно стояли цветы. Время от вре-

мени хозяева меняли увядшие на новые. Чаще всего это делал Морис. Но сегодня Мирослава почему-то решила сама срезать георгины. Кот предполагал, что она устала лениться и скучает без работы. Надо признать, что догадки кота были недалеко от истины.

Глава 1

Следующее утро начиналось так же мирно, можно даже сказать, скучно...

И поэтому Морис решил ввести трудовую повинность и направить всех сотрудников агентства, то есть себя и Мирославу, на сбор груш. Тем более что время для варки грушевого варенья настало.

Мирослава восприняла его предложение без особого энтузиазма, но отказываться не стала. К полудню они собрали целых пять корзин.

Посмотрев на них с ужасом, хозяйка агентства спросила:

– И что мы будем делать с таким огромным количеством груш?

– Часть съедим, несколько килограммов пойдут на варенье, а остальные раздадим друзьям.

– Каким друзьям? – спросила Мирослава.

Друзей у них было много. Но вот нуждающихся в грушах...

– Позвоните кому-нибудь из оперативников, пусть приедут и заберут.

– Поедут они в такую даль за твоими грушами, – усмехнулась Мирослава. – К тому же там у многих есть дачи у самих или у родственников.

– Но не у всех есть такие чудесные груши, – возразил ей

Морис, – вы только примножайтесь, у нас уже вся кухня медовым ароматом пропиталась.

– Ладно, – отмахнулась Мирослава, – я сама отвезу груши Софье Марковне.

Софья Марковна Наполеонова была матерью друга детства Мирославы Шуры Наполеонова, ныне следователя Александра Романовича Наполеонова.

Когда-то Софья Марковна была известной пианисткой и объездила с гастролями чуть ли не весь мир. Позднее она стала преподавателем. Теперь время от времени она консультировала своих бывших учеников, давала уроки фортепьяно детям знакомых и тех учеников, что уже сами стали родителями.

Дачи у Наполеоновых не было. Фрукты и овощи, как правило, забирал у подруги детства Шура. Но груши не могли ждать, когда он освободится от своих дел и приедет за ними. Поэтому Мирослава и решила отвезти их сама.

Софья Марковна обрадовалась скорее приезду самой Мирославы, но и от груш, конечно же, не отказалась.

Посидев часок у Наполеоновых и попив чаю с черничным пирогом, Мирослава поспешила к Стефановичам, которые жили в этом же дворе и были родителями подруги Люси.

Если Стефановичи и нуждались в чём-то, то только в ароматных грушах из сада Мирославы Волгиной. Всё остальное у них было. Подруга на пару с отцом открыли несколько лет назад автосервис, который уже встал на ноги и приносил

неплохой доход.

Дверь Мирославе открыла мать Люси Анна Фёдоровна, симпатичная полноватая блондинка, выглядевшая лет на пять моложе своих лет.

Увидев подругу дочери, женщина и удивилась, и обрадовалась одновременно. Она быстро сообразила, что Мирослава пришла не к дочери, а к ней. Ведь Люся, или, как её называли друзья, Люси€, уже несколько лет жила отдельно от родителей. Основной причиной её вылета из родительского гнезда было не желание свободы как таковой, просто Люси не хотела смущать покой любимых родителей своей бурной личной жизнью, в перипетии которой была посвящена Мирослава.

– Мирославочка! Какими судьбами?! – воскликнула Стефанович, раскрывая руки для объятий.

– Анна Фёдоровна! Мы тут с Морисом собрали урожай груш и решили поделиться с вами.

– Какой аромат! Спасибо! А чего же ты Мориса-то с собой не привезла?

– Оставила на хозяйстве, – отшутилась Мирослава.

– И то верно, – согласилась Анна Фёдоровна, – должен же быть от мужика какой-то толк.

Обе женщины весело рассмеялись.

– Я тебя сейчас чаем напою, – сказала Стефанович.

– Анна Фёдоровна! Смилуйтесь, я только сейчас от Софьи Марковны, и больше чая в меня не влезет.

– Как там Сонечка? – спросила Стефанович.

– По-моему, хорошо.

– На днях мы с ней встретились во дворе, и она обронила, что Шурочка дома почти не бывает, то на работе, то... – женщина хитро сощурилась, – у подруги детства.

– Не так уж и часто Шура к нам приезжает, – ответила Мирослава, – скорее, днюет и ночует на работе.

– Что верно, то верно. А мы с Соней о внуках мечтаем. Моя Люська замуж не спешит. Да и ты, как я посмотрю, тоже.

– Куда торопиться, – отмахнулась Мирослава.

– Вам, современным девушкам, и вправду торопиться некуда, а раньше, бывало, в двадцать лет замуж не выйдешь – и уже старая дева. Да и парни, как придут из армии, так сразу жениться.

Поговорив ещё немного с матерью подруги, Волгина решила съездить в Старый город.

Домой Мирослава вернулась ближе к вечеру.

Едва взглянув на лицо Мориса, она догадалась, что в её отсутствие что-то произошло.

– Что случилось? – спросила она.

– Ничего особенного, – с нарочитой небрежностью ответил он, – просто, кажется, у нас появился клиент. Вернее, клиентка.

– И кто же это? – спросила Мирослава с толикой интереса.

– Некая Стелла Эдуардовна Тавиденкова.

– И что у неё приключилось?

– Сказала, что убили мужа.

Мирослава внимательно посмотрела на Мориса и спросила:

– И её обвиняют в убийстве?

– А вот и нет, – ответил он.

– Тогда чего же она хочет?

– Станный вопрос, – повёл он плечами, – хочет, чтобы восторжествовала справедливость.

– Разве полиция не занимается этим делом?

– Занимается. Но Стелла Эдуардовна уверяет, что ей известен убийца.

– Почему же она не назвала его имя следователю?

– Назвала. Но Шура ей не поверил.

– Шура?

– Да, дело ведёт Александр Романович Наполеонов. И не надо делать такие глаза, – добавил он, – словно вы не знаете, кем и где работает ваш друг.

Мирослава рассмеялась, а потом спросила:

– И на сколько ты ей назначил встречу?

– На семь вечера.

– Ещё два часа. Я бы чего-нибудь перекусила.

– Жаркое и овощной салат вас устроит?

– Вполне. Могла бы обойтись одним овощным салатом.

– Я уверен, что и жаркое из цыплят вам придётся по вкусу.

– Не сомневаюсь, – ответила она.

И была права, так как сомневаться в кулинарных способ-

ностях Миндаугаса было бы просто, мягко говоря, нелепо. Какие бы продукты ни взял Миндаугас и что бы из них ни приготовил, всё получалось великолепным.

Следователь Наполеонов часто повторял с искренним недоумением:

– Морис, я не понимаю, как тебя угораздило поступить на юридический! В Вильнюсе что, не было кулинарных техникумов?

Морис в ответ усмехался.

– Нет, правда, – горячился Шура, – ты же прирождённый кулинар! Тебя любой ресторан оторвёт с руками и ногами.

– Ничего отрывать мне не нужно, – отвечал Морис. – Кулинария всего лишь моё хобби. И не более того, – добавлял он подчёркнуто.

– Повезло Славе, – бурчал с полным ртом Наполеонов, косясь на Мирославу.

– Пока повезло тебе, – фыркала она в ответ.

– И почему я женщиной не родился, – притворно сокрушался Наполеонов.

– Шура, ты напрасно так убиваешься, при современных технологиях тебе в один миг отрежут всё лишнее и пришьют всё, что хочешь. Например, грудь девятого размера, – подначивала его Мирослава.

– Ничего мне не надо отрезать и пришивать, – испуганно отмахивался от предложения подруги следователь. – Мне то, что есть, пригодится.

Морис и Мирослава, глядя на лицо друга, покатывались со смеху.

Было без десяти семь вечера, когда позвонили у ворот.

– А вот и клиентка прибыла, – сказал Морис и нажал на устройство, открывающее ворота. После чего не спеша вышел из дома, чтобы встретить госпожу Тавиденкову.

«Вольво» красного цвета вплыл в распахнутые ворота, и его шины тихо зашуршали по подъездной дорожке. После того как открылась дверь автомобиля, перед глазами Мориса появилась сначала одна женская нога, потом другая. Морис отметил про себя, что ноги очень даже ничего себе, только он никогда не понимал, зачем женщины, тем более баловского возраста, надевают на них узорчатые чулки или колготки.

Прибывшая женщина не могла догадываться о мыслях молодого мужчины, и в этом случае было неизвестно, кому больше повезло, ей или ему.

Наконец перед глазами Мориса госпожа Тавиденкова появилась полностью. И он оценил по достоинству пропорциональность её не склонной к худобе фигуры, пышность светлых волос. Больше всего его заинтересовали её ярко-синие глаза. Именно такие он видел в детстве у маминых глиняных кукол, сидевших рядом на шкафу. И заподозрил женщину в том, что она носит цветные линзы.

Женщина, в свою очередь, смерив Мориса оценивающим

взглядом, осталась довольна увиденным. И представилась:
– Стелла Эдуардовна Тавиденкова.
– Очень приятно, – едва кивнул он, – детектив Морис Миндаугас.

– Мне сказали, что расследованием в этом агентстве занимается женщина.

– Так и есть. Глава нашего агентства Мирослава Волгина. И она уже ждёт вас. Прошу, – Морис сделал приглашающий жест рукой, направленный в сторону коттеджа.

Стелла Эдуардовна не заставила себя ждать и уверенно зашагала впереди Мориса.

«Какой, однако, красавчик», – промелькнуло в голове у женщины.

«На скорбящую вдову она что-то не слишком похожа», – подумал в свою очередь про Тавиденкову Миндаугас.

Мирослава ждала предполагаемую будущую клиентку в своём кабинете, куда Морис и завёл Стеллу Эдуардовну. Сам он тут же ретировался, слегка огорчив своим уходом Тавиденкову.

Но Стелла Эдуардовна не стала акцентировать на этом своё внимание. Она представилась, села в предложенное ей Мирославой кресло и сразу приступила к делу:

– Вчера в сарае садовник обнаружил труп моего мужа Фрола Евгеньевича Тавиденкова.

– Вы живёте в частном доме?

– Что-то типа этого, – скривила губы женщина. – У нас

своя усадьба. Она перешла мужу по наследству от дяди.

– Сарай в заброшенном состоянии?

– Да нет же! Он хоть и старый, но добротный. И светлый. Садовник хранит в нём свои инструменты, потом там стоят бочки и прочее. В нём светло, кроме большого окна имеется электрический свет.

Мирослава внимательно слушала, и, удовлетворённая её вниманием, женщина продолжила:

– Так вот, мой муж был найден в бочке с ананасами. Из рта у него торчала голова рябчика. Сам обезглавленный рябчик лежал рядом.

«Бедная птичка», – пронеслось в голове Мирославы.

– А на стене за его спиной, – продолжила Стелла Эдуардовна, – надпись кровью мужа: «Ешь ананасы, рябчиков жуй. День твой последний приходит, буржуй».

«Стихи Маяковского», – отметила про себя Мирослава и проговорила:

– По всей вероятности, у убийцы был вагон времени, если он никуда не торопился, расписывая стену.

Тавиденкова пожала плечами.

– Ваша усадьба не охраняется?

– Не особо.

– То есть ваш муж ничего не опасался?

– Не знаю. Он мне об этом не говорил. Во всяком случае, я уговорила его поставить камеры. Но когда полиция стала проверять их, выяснилось, что они не работали.

– То есть?

– Кто-то отключил их.

– Кто?

– Откуда же мне знать! – воскликнула женщина.

– Усадьба принадлежит вам?

– Моему мужу.

– Теперь уже вам, – не удержалась Мирослава и тут же добавила: – Не важно. Но установка камер, как вы сами мне сказали, была вашей идеей. И присматривать за ними должны были вы.

– Ничего подобного! – возмутилась Тавиденкова. – Это не женское дело.

Мирослава не собиралась с ней спорить, поэтому спросила:

– И что вы теперь хотите от меня?

– Чтобы Ярослава Ильича Королёва посадили пожизненно!

– Кто это?! – Правая бровь Мирославы приподнялась в удивлении.

– Учитель истории моей дочери, – ответила женщина.

– Она учится в школе?

– Она учится в университете.

– За что же вы хотите засадить её бывшего учителя?

– За убийство моего мужа!

– Простите... – проговорила Мирослава недоумённо.

– То, что моего мужа убил Королёв, не подлежит сомне-

нию! – заявила Тавиденкова безапелляционно.

– Почему?

– Потому что он, во-первых, старый маразматик, во-вторых, человеконенавистник.

– А сколько лет этому Королёву?

– Семьдесят восемь.

– А сколько лет было вашему мужу?

– Пятьдесят четыре.

– А вам?

– Да как вы смеете?! – возмущённо воскликнула Тавиденкова.

Мирослава усмехнулась.

– Сорок девять, – прошипела вдова.

– И как убили вашего мужа?

– Полиция считает, что его сначала стукнули твёрдым предметом по голове, а потом задушили.

– И вы думаете, что старик мог справиться с вполне ещё молодым мужчиной?

– Считаю, считаю! – закивала Тавиденкова, как китайский болванчик. – Чего уж проще – стукнуть человека твёрдым предметом по голове? А задушить после этого – раз плюнуть.

– Вы сказали, что вашего мужа нашли в бочке, – напомнила Мирослава.

– И что? Думаете, что он не мог его поднять?

Мирослава молчала и смотрела на женщину выжидающе.

– Мог! Уверяю вас! Хотя бы от злости!

– От злости?

– А то! Вы хотя бы знаете, что поёт Королёв, когда поливает цветы у себя на балконе?

– Неужели Шнура? – не удержалась Мирослава.

– Если бы! Он поёт «Интернационал»!

– Что он поёт? – переспросила Мирослава, думая, что ослышалась.

– «Интернационал»! Разве это не кощунственно?!

– Думаю, что нет, – проговорила она спокойно, не удержавшись от едва заметной улыбки.

Тавиденкова посмотрела на неё осуждающе.

– Вам весело! А он мою дочь чуть не довёл до самоубийства!

– Каким же образом? Завалил на экзамене?

– Нет, она у меня отличница! Он запретил своему сыну встречаться с Дашей!

– Даша – это ваша дочь? – уточнила Мирослава.

– Наша с Фролом.

– Почему же Королёв запретил своему сыну встречаться с ней?

– Потому что она дочь буржуя! – выпалила Стелла Эдуардовна.

– Интересно...

– А на день рождения он подарил ей книгу Джона М. Кейнса.

На этот раз Мирослава зависла, она, к своему стыду, не

знала или не могла вспомнить сразу, кто это.

«Надо спросить у Мориса», – подумала она. А вслух спросила:

– Кстати, почему ваша дочь училась в обычной школе?

– По воле ещё одного маразматика!

– То есть?

– Когда был жив мой свёкор, мой муж следовал всем его советам. А свёкор считал, что его внуки, несмотря на богатство, должны воспитываться среди простого народа.

– А кем был ваш свёкор?

– Заслуженным пенсионером!

– А до этого?

– Он служил в контрразведке, – процедила сквозь зубы Тавиденкова.

– Мне всё-таки не верится, что учитель мог невзлюбить вашу семью только за ваше богатство, – осторожно проговорила Мирослава.

– Не только!

– За что же ещё?

– Когда моя дочь училась в шестом классе, я узнала, что Королёв их часто водит в музеи.

– Ну и что в этом плохого?

– Вы сначала дослушайте! Особенно любит водить в областной художественный!

– Не вижу криминала.

– Вы что, не помните, что там написано?!

– Где?

– Да над входом в музей!

Теперь Мирослава вспомнила. Там действительно была высечена надпись, которая никак не могла понравиться Стелле Эдуардовне Тавиденковой. «Есть одна священная война – это война трудящихся против эксплуататоров».

– Это история нашей страны, – пожалала плечами Волгина.

– Это для вас история! А для Королёва это настоящее!

– Хорошо. Что вы предприняли?

– Я добивалась его увольнения! Но директор только прочитал ему нотацию и просил больше не акцентировать внимания детей на этой надписи.

– И что вас в этом не устроило?

– Всё! Поэтому, когда зять Королёва устроился на предприятие мужа, я добила его увольнения!

– А как отнёсся к этому ваш свёкор?

– Его, к счастью, к тому времени уже не было в живых.

– Понятно. И вы считаете, что всего этого достаточно для того, чтобы подозревать старого учителя в убийстве?

– Этого достаточно, чтобы посадить Королёва в тюрьму пожизненно! Это он убил моего мужа! Больше никому!

– А что думает на этот счёт полиция?

– Что могут думать эти безголовые?! Я задействовала все свои связи. Угрохала кучу бабок! А они только взяли с него подписку о невыезде.

– Всё-таки взяли... – тихо проговорила Мирослава.

– А куда им было деваться, голубчикам?! Я всё равно добьюсь, чтобы Королёва посадили! – Торжество, прозвучавшее в голосе Тавиденковой, резало слух. И Мирослава невольно поморщилась.

– Я готова заплатить вам любые деньги, чтобы вы предъявили доказательство вины Королёва! – продолжала между тем напирать Стелла Эдуардовна.

– А если он не виноват? – спросила Мирослава.

– Виноват! Я в этом уверена на сто процентов!

И вдруг она понизила голос до интимного шёпота:

– К тому же он наш общий враг!

– В смысле? – изумилась Мирослава.

– Вы, как женщина обеспеченная, должны понимать, что нам, имеющим деньги, нужно объединяться и идти единым фронтом против этой вечно недовольной голытьбы!

– Вы считаете голытьбой учителя своей дочери?

– А кто же он ещё?! – искренне удивилась Тавиденкова.

– Я вынуждена вам отказать, – сказала Мирослава.

– Но почему?! – изумилась Стелла Эдуардовна.

– Потому что я не помогаю нуворишам сажать в тюрьму порядочных людей, – ледяным голосом ответила детектив.

– Как вы сказали?! – взвилась Тавиденкова.

– Уходите! – уже не сдерживаясь, рявкнула Мирослава.

И так как Морис знал, как могла уничижительно смотреть Мирослава, он ничуть не удивился, что несостоявшуюся клиентку как ветром сдуло.

«Да, если бы дамочка получше знала Мирославу, она не сунулась бы к ней», – подумал Миндаугас.

Он вспомнил, как был поражён, увидев первый раз Мирославу возле бассейна. И заворожила его не её отличная фигура и не красивый купальник. А след от пули под лопаткой и шрам чуть выше левой груди.

Позднее он узнал, что пуля, посланная ей в спину, как раз и была «подарком» одного из нуворишей, которого она разоблачила и довела до конфискации в бытность свою следователем.

Да и родословная семейства Волгиных не располагала Мирославу к любви мнящих себя сильными мира сего.

У обеих тёток Мирославы – у тёти Виктории и у тёти Зои – на стене красовался портрет прадеда – лихого казака в кубанке и с лихо закрученными усами, отважного революционера и героя гражданской войны.

В доме Мирославы портрет прадеда на стене не висел, но любовно хранился наравне с другими фотографиями предков в старом альбоме, перешедшем ей по наследству от бабушки с бабушкой. Так что Стелла Эдуардовна выбрала для своих целей явно не того человека.

От раздумий Мориса отвлёк голос Мирославы:

– Слушай, ты не знаешь, кто такой Джон М. Кейнс?

– По-моему, английский экономист начала двадцатого века.

– А чем он мог не угодить буржуям?

– Своими работами, разумеется.

– Значит, он был против капитализма?

– Скорее, против классического варианта капитализма, – пояснил Морис. – Его даже считают где-то приемником Карла Маркса с точки зрения борьбы с капитализмом.

– Какой ты умный! Просто кладезь информации, – похвалила Мирослава.

– Стараюсь, – скромно улыбнулся Морис.

– Знаешь, надо отыскать сына этого Королёва.

– Зачем?

– Чтобы он выступил нашим клиентом.

– То есть?

– Надо же найти того, кто убил господина Тавиденкова, и вывести из-под подозрения Королёва-старшего.

– Но...

– Что «но»?

– Зачем же вы вышвырнули из своего кабинета Стеллу Эдуардовну?

– Потому что я не могу дышать с ней одним воздухом, не то что работать на неё, – сердито ответила Мирослава.

– Классовая неприязнь, – проговорил Морис с иронией.

– Думай что хочешь! – отрезала она.

– Но у семьи учителя явно нет денег на оплату наших услуг, – заметил Миндаугас.

– Значит, поработаем без оплаты! – резко ответила Мирослава и так сверкнула на него глазами, что он предпочёл

ни о чём больше её не спрашивать.

Глава 2

Четыре дня назад.

Роскошную августовскую ночь сменило мягкое августовское утро.

Однако для следователя Наполеонова и для оперативной группы ночь оказалась беспокойной, а для родных жертвы трагической. И наступившее утро не показалось следователю безоблачным. Да чего там скрывать! Наполеонов был не в духе. Ему поручили раскрыть громкое убийство Фрола Тавиденкова.

Хозяина в бочке с ананасами рано утром обнаружил садовник. Естественно, поднялся переполох. Вызвали «скорую», полицию.

Наполеонова нельзя назвать слаонервным, но когда, приехав на место со следственной группой, он увидел торчащую из бочки голову мужчины, во рту которого была голова рябчика, его на какое-то мгновение замутило.

Эксперт-криминалист Афанасий Гаврилович Незовибатько тяжело вздохнул и качал головой.

Судмедэксперт Шахназаров велел вытащить труп из бочки, но его остановил Легкоступов:

– Подождите, Руслан Каримович! Подождите! – возбуждённо закричал фотограф и принялся щёлкать убиенного со всех сторон, выбирая такие ракурсы, чтобы в объектив по-

пала и бочка, и кровавая надпись на стене.

Шахназаров пожал плечами и отступил.

– Ребята! Это же Маяковский! – чуть ли не восторгался Валерьян.

– Где Маяковский? – растерянно спросил молоденький участковый.

– Да на стене же! – Фотограф чуть ли не ткнул пальцем в надпись.

Участковый смущённо заморгал, точно сова на солнце.

Наконец труп был извлечён из бочки с ананасами, и судмедэксперт склонился над ним.

– Ну что там, Руслан Каримович? – сразу же начал терзать его Наполеонов.

– Пока могу только сказать, что его ударили по голове.

– Чем? – Следователь стал оглядываться вокруг.

– Предполагаю, каким-то камнем. Подробнее сам знаешь когда, – ответил Шахназаров.

– Знаю, знаю, – отмахнулся Наполеонов, – после вскрытия.

– Вот и молодец, – похвалил его судмедэксперт.

– Где Валерьян? – спросил следователь.

– Исследует усадьбу, – ответил Аветик Григорян.

– Что значит «исследует»?! – рявкнул Наполеонов.

– То и значит, – вмешался Ринат Ахметов, – цветочками любит, бабочками.

– Александр Романович, он тебе что, нужен? – не отры-

ваясь от своей работы, спросил следователя эксперт Незовибатько.

– Сто лет он мне не нужен!

– Так нехай себе гуляет. Он человек творческий.

– И шёл бы себе в салон моделей снимать! – не мог успокоиться Наполеонов.

– Ему и тут неплохо.

После этого разговор сошёл на нет, и о Легкоступове вспомнили только тогда, когда все загружались в машину.

– Ты где был? – набросился на него следователь, когда тот подошёл поближе.

– Там, – неопределённо махнул Легкоступов в сторону цветника. И забравшись в автомобиль, сразу же отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

У Наполеонова тоже не было настроения продолжать разговор. В глубине души он надеялся, что дело передадут другому следователю. Но его надеждам было не суждено сбыться.

Уже на следующий день его вызвал к себе полковник Солодовников и сказал:

– Саша, ты был на месте преступления, тебе и карты в руки. Займись этим делом в первую очередь.

– Хорошо, Фёдор Поликарпович, – подавив вздох, ответил Наполеонов.

– Вот и хорошо, – сделал вид, что обрадовался, Солодовников. Можно было подумать, что он боялся услышать от

подчинённого другой ответ.

Наполеонов же дал волю вздохам и сетованиям, когда остался в кабинете наедине с самим собой. И его можно понять. Убийство резонансное, поражает своим зверством. А подозреваемых ноль без палочки. Кому мог помешать Фрол Евгеньевич Тавиденков? Компаньону? Конкурентам? Неизвестным недругам? Кабы знать...

Утро следующего дня следователь решил начать с разговора с компаньоном Тавиденкова Денисом Сергеевичем Кобылкиным. Кому как не Кобылкину лучше других знать о происках конкурентов, здраво рассудил следователь. Однако не успел он снять трубку, как секретарша Элла Русакова сообщила, что его жаждет видеть жена, точнее – вдова убитого, Стелла Эдуардовна Тавиденкова.

– Она что, здесь? – удивился Наполеонов.

– Так точно! – Элла шутя сделала под козырёк.

– К пустой голове... – начал было Наполеонов.

– Но, но... – пригрозила Элла.

– Ладно, – махнул рукой следователь, – пригласи её сюда.

Мне и так и так разговаривать с ней придётся, – добавил он обречённо.

– Чует моё сердце, – пошутила Элла, прежде чем выскользнуть из кабинета, – не пришлась вам по вкусу Стелла Эдуардовна.

– Типун тебе на язык! – вырвалось у следователя.

Девушка хихикнула и испарилась. Через пару минут вме-

сто неё в кабинет Наполеонова вошла Стелла Эдуардовна Тавиденкова.

Наполеонов проявил чудеса вежливости и привстал со своего места при появлении дамы.

– Прошу вас, проходите, садитесь, – он указал ей на стул.

Стелла Эдуардовна обвела взглядом кабинет следователя, видимо, в поисках чего-нибудь более удобного, чем жёсткий стул, предложенный ей Наполеоновым.

Убедившись, что все стулья одинаковы, она придала лицу более скорбное выражение, чем то, с которым она сюда вошла, и опустилась на предложенный стул.

– Не слишком-то у вас тут комфортно, – не выдержав, высказала она своё мнение.

– Вы абсолютно правы, госпожа Тавиденкова, одна сплошная казёнщина, – поспешил согласиться с ней следователь.

– Я не госпожа, – поджала губы Стелла Эдуардовна.

– Я могу, конечно, называть вас товарищем, – усмехнулся про себя следователь, – но не думаю, что это понравится вам.

– Называйте меня просто Стелла Эдуардовна.

– Как скажете, – не стал спорить следователь.

– А вы Александр Романович.

– Совершенно верно.

– Я запомнила всех, кто мне вчера представлялся.

– Весьма похвально, – одобрил Наполеонов, – завидую вашей памяти.

– В вашем возрасте грех жаловаться на память, – неодоб-

рительно проговорила Тавиденкова.

– Я и не жалею, – едва заметно улыбнулся следователь. – Давайте перейдём к делу.

– Давайте. Я как раз пришла спросить вас, когда вы задержите убийцу моего мужа?!

– Помилуйте, сударыня! – вытаращил на неё глаза следователь. – Как мы можем его задержать, если у нас нет даже подозреваемого. Я только-только приступил к изучению дела и готовлюсь к проведению следственных мероприятий.

– Что вы такое говорите! – возмутилась Тавиденкова.

– Я вас не понимаю...

– Я вас тоже не понимаю! – Стелла Эдуардовна притопнула ногой. – Что значат ваши слова о том, что у вас нет подозреваемого?

– То и значит...

– Чушь какая-то! Подозреваемый у вас под носом! Протяните же руку! И задержите его!

«Должно быть, она не вынесла удара судьбы, – сочувственно подумал Наполеонов, – и у неё помутился разум».

Он хотел успокоить женщину и по-тихому спроводить её. А потом посоветовать дочери показать мать врачу. Но не тут-то было!

– Вы что же думаете, что я не смогу прочитать ваших мыслей! – закричала женщина.

«Тожe мне Мессинг нашёлся», – промелькнуло в голове Наполеонова. Вслух же он сказал:

– Вы успокойтесь, Стелла Эдуардовна, – следователь налил в стакан воды и протянул его женщине, – вот, выпейте воды.

– Сами пейте свою воду. – Она так резко оттолкнула от себя протянутый им стакан, что вода выплеснулась из него. – Ишь чего удумали! – закричала она.

– Чего вы, в конце концов, от меня хотите? – рассердился следователь и потянулся к трубке.

– Погодите, – неожиданно ровным голосом проговорила Тавиденкова, – я хочу, чтобы вы выслушали меня.

«Так-то лучше», – подумал следователь и велел:

– Излагайте.

– Я знаю, кто убил моего мужа, – заявила вдова.

– Очень интересно, – пробормотал следователь себе под нос.

– Не ёрничайте!

– Извините. Я весь внимание.

– Его убил Ярослав Ильич Королёв.

– Кто это? – спросил следователь, мысленно листая протоколы опрошенных вчера.

– Это учитель истории.

– Так-так, – Наполеонов постучал пальцами по столу, – вы хотите сказать, что он работает у вас гувернёром вашей дочери? Но ведь она уже взрослая девушка! Или у вас ещё есть дети?

– Нет у нас никаких детей! Кроме Даши, разумеется. И

Королёв никакой не гувернёр! Неужели вы думаете, что я пустила бы его на порог своего дома?!

– Ничего я такого не думаю, – на миг растерялся следователь. – Но я не понимаю, при чём здесь какой-то учитель!

– Он был классным руководителем у Даши!

– Когда она училась в школе?

– Да!

– Но теперь-то она там не учится.

– Слава богу! Но все те годы, что она там училась, Королёв настраивал её против отца!

– Вы что же, хотите сказать, что ваша дочь убила своего отца? – Глаза Наполеонова полезли на лоб.

За годы его следственной работы, конечно, случалось всякое. Но Дарья Тавиденкова вовсе не походила на девушку, убившую отца, да ещё таким зверским способом.

– Вы глухой? – тем временем спросила его Стелла Эдуардовна и почему-то постучала по собственному лбу.

Наполеонов чуть было машинально не спросил «кто там» и сам себе ответил бы «нет там никого». Но сдержался и протянул:

– Э... Нет. На слух я не жалуясь.

– Так чего же вы вдруг на Дашу бочку покатали?!

– Я? – опешил следователь.

– А кто же ещё?! Я же вам русским языком говорю – моего мужа убил Ярослав Ильич Королёв.

– Учитель истории, – Наполеонов не сумел скрыть иро-

нии.

– И что?

– Ничего. Но вы сами мне только что сказали, что не пустили бы его на порог своего дома. Так как же он мог убить вашего мужа? Телепатически?

– Не ёрничайте!

– Я просто уточняю.

– Вы же сами видели, что камеры не работали. И Королёв мог ночью перелезть через забор, выманить моего мужа во двор, затащить его в сарай и там расправиться с ним.

– Сколько лет этому Королёву?

– Семьдесят восемь.

– Семьдесят восемь?

– Чему вы так изумляетесь? Он крепкий старик!

Наполеонов хотел сказать, что справиться с таким боро-
вом, как её муж, и тем более заволочь его в сарай, а потом
запихнуть в бочку не под силу никакому старику. Но потом
решил не оскорблять покойного и просто проговорил:

– Прodelать всё то, что проделал убийца вашего мужа,
сложно в одиночку даже молодому качку.

– Ничего подобного! – почему-то обиделась за неведомого
убийцу Стелла Эдуардовна и снова села на своего любимого
конька. – Я уверена, что моего мужа убил Королёв.

– Какой мотив может быть у Королёва для убийства ваше-
го мужа? – без надежды на адекватный ответ спросил следо-
ватель.

– Ему не давало покоя наше богатство!

– В таком случае он мог бы просто ограбить вас! – вырвалось у Наполеонова.

– Он не стал бы этого делать.

– Почему?

– Потому что он идейный!

– Что значит идейный? – не понял следователь.

– То и значит, что Королёв считает, что уничтоженные советской властью буржуи расплодились снова.

– Это он вам сам сказал?

– Не мне лично. Но он утверждал, что буржуи плодятся, как грибы-поганки после кислотного дождя, и грабят простой народ.

– Поганки травят, а не грабят, – машинально поправил Наполеонов.

– Королёв считает, что богатые отравляют людям жизнь.

– Вы хотите сказать, что ваш муж лично отравлял людям жизнь?

– Я так не думаю! Но Королёв старый коммунист! Он как зеницу ока бережёт партийный билет, который получил ещё в молодости!

– Это-то откуда вам известно? – удивился следователь.

– Даша рассказывала. Королёв приносил его в школу и показывал детям. Хотел сбить их с пути истинного!

– Понятно.

– Я рада, что до вас наконец-то дошло, – саркастически

проговорила Тавиденкова.

– Не торопитесь, Стелла Эдуардовна, – осадил её Наполеонов. – Допустим, что старый коммунист Королёв – стойкий боец за права трудящихся и готов бросить вызов всем вновь окопавшимся на его родине буржуйам. Но почему начать он решил именно с вашего мужа?

– А разве я вам не говорила? – спросила Тавиденкова с озадаченным видом.

– Не знаю, что именно вы должны были мне сказать. Но из того, что вы уже сказали, нет ничего, что говорило бы о лютой ненависти Королёва именно к вашему мужу.

– Его сын Иван по уши влюблён в нашу Дашу ещё со школы.

– А она его в упор не видит?

– Если бы! – вырвалось из груди Стеллы Эдуардовны. – Дашка влюблена в Ивана как последняя дура!

– Почему «дура»? – изумился Наполеонов.

– Потому что у Ваньки, как когда-то говорила моя бабушка, как у латыша – хрен да душа.

– Я думаю, что этих двух вещей вполне хватает для того, чтобы создать крепкую семью.

– Вы что, издеваетесь? – взвилась Тавиденкова.

– Почему же? Нет. А если к этим двум вещам приложить ещё золотые руки и умную голову, то счастье молодой семье обеспечено.

– Не вижу ничего смешного!

- Я и не думал смеяться. Ладно, вернёмся к исходному – Даша и Иван полюбили друг друга, но ваш муж был против?
- Вашими бы устами да мёд пить. Фрол только посмеивался. Говорил, что пусть Дашка выходит за кого угодно.
- То есть он был равнодушен к судьбе своей дочери?
- Ну что вы! Он очень любил Дашку и собирался обеспечить её.
- Тогда я не понимаю, за что его мог ненавидеть Королёв? Надо думать, что он тоже желал счастья своему сыну.
- Может, и желал! Только его понятие о счастье не совпадало с понятием нормальных людей!
- Что вы хотите этим сказать?
- Королёв запретил своему сыну встречаться с Дарьей!
- Почему?
- Сказал, что она ему не пара.
- Следователь присвистнул.
- Не свистите! – прикрикнула на него Стелла Эдуардовна. – Денег не будет.
- А у меня и так их столько же, сколько у латыша из словицы вашей бабушки.
- Хорошо! Пусть так! Меня не интересуют ваши финансовые дела. Скажите мне только, вы арестуете Королёва?
- Если найду доказательства его вины, то да.
- Так ищите!

Наполеонова так и подмывало взять под козырёк «слушаюсь, гражданка Тавиденкова», но вместо этого он прогово-

рил устало:

– Стелла Эдуардовна, давайте каждый будет заниматься своим делом. Вы идите домой, вам многое нужно там сделать, а я, как мне и полагается, займусь поисками убийцы.

Одарив следователя далеко не дружелюбным взглядом, назойливая посетительница наконец покинула его кабинет. Наполеонов чуть не перекрестился, когда за ней закрылась дверь.

– Чует моё сердце, – пробубнила Тавиденкова, проходя мимо секретаря, – он и пальцем о палец не ударит.

– Ну и ну, – покачала головой Элла и, приоткрыв дверь, заглянула к следователю: – Александр Романович, вы живы?

– Жив, хотя самому не верится! Эта мадама проела мне всю плешь!

– Так её у вас нету, – улыбнулась Элла.

– Ты уверена? – Наполеонов с преувеличенным старанием ощупал свою макушку.

– Зря стараетесь, – рассмеялась Русакова, – лучше скажите, чего она от вас так долго добивалась!

– Не поверишь! Хочет, чтобы я повесил убийство её мужа на Королёва!

– А кто это? – озадачилась секретарша.

– Старенький учитель истории.

– И чем он ей не угодил?

– Дочь её, видите ли, влюбилась в сына учителя. А дед против!

- Если дочь такая же, как мать, то в этом нет ничего удивительного, – развела руками Элла.
- Склонен с тобой согласиться.

Глава 3

Позднее, проанализировав свой разговор с Тавиденковой, Наполеонов решил всё-таки встретиться с учителем Королёвым, посмотреть, что это за личность такая неординарная, и поговорить с ним.

Следователь попытался по описаниям Тавиденковой представить образ учителя, и у него получалось что-то среднее между Павлом Корчагиным и героем из старого фильма «Коммунист», сыгранного артистом Евгением Урбанским, который позднее погиб совсем молодым под Бухарой во время съёмок фильма «Директор».

В общем, надо было встретиться, как говорят, лицом к лицу.

Недолго думая, Наполеонов отправился по адресу, оставленному ему Стеллой Эдуардовной.

Учитель жил в старом районе, прилегающем к ныне разрушенному заводу. Дом, судя по всему, был построен ещё до войны. Ни кодового замка, ни домофона на нужном следователю подъезде не было. Так что проник он в него беспрепятственно. По скрипучей деревянной лестнице поднялся на второй этаж и позвонил в квартиру номер восемь.

Дверь ему открыли, не спрашивая, кто там.

На пороге стоял молодой долговязый парень с русым чубом. Причёска явно была несовременной, но по вниматель-

ному взгляду тёмно-серых глаз Наполеонов сразу догадался, что парню это глубоко безразлично.

«Сын своего отца», – сразу догадался Наполеонов.

– Вам кого? – спросил между тем юноша, не отрывая спокойного взгляда от лица следователя.

– Мне нужен Ярослав Ильич Королёв. А вы, наверное, его сын Иван Королёв.

– Да, я его сын, – ответил юноша. – А отца нет дома.

Наполеонов всё ждал, что парень спросит: «А вы, собственно, кто такой?» Но юноша не задавал никаких вопросов.

«Знает он или нет, что Тавиденков убит», – спрашивал себя следователь и не мог ответить на свой вопрос.

Про себя он решил, что сам пока сообщать Ивану об убийстве отца его девушки он не будет, даже несмотря на острое желание посмотреть на реакцию парня. Вместо этого он спросил:

– А где ваш отец?

– Отец с утра ушёл на кладбище, – ответил Иван и, подумав немного, добавил: – И придёт, скорее всего, не скоро.

– У него там похоронен кто-то из близких?

– Как сказать, – неопределённо повёл Иван плечами. – Отец считает, что да.

– Где именно мне его найти?

– На могиле Щорса, – прозвучало невозмутимо в ответ.

– Где?! – вырвался у следователя возглас изумления на-

много громче, чем хотелось бы.

– Чего вы все так удивляетесь, – неожиданно рассердился парень, – что отец не имеет права навестить захоронение Щорса?!

– Имеет, конечно, – поспешил согласиться следователь, – просто это, согласитесь, как-то необычно.

– А вот и не соглашусь! – выпалил Иван. – Отец не виноват в том, что в нашей стране сто пятниц на неделе!

– Семь, – машинально поправил Наполеонов.

– А вот и нет! Именно сто! Сначала прославляем человека, как героя! Песни слагаем и поём со школьных лет о красном командире, а потом забываем и делаем вид, что этого не было, а если и было, то не с нами.

– Вы успокойтесь, молодой человек, – проговорил Наполеонов, ошарашенный реакцией парня. – Поверьте, я не хотел вас обидеть или задеть чувства вашего отца.

– На чувства моего отца вы плюёте с девяносто первого года прошлого века!

– Помилуйте! – взмолился Наполеонов. – Меня тогда ещё и на свете не было!

– Меня тоже, – признался парень.

Следователь замер, не зная, чего ожидать от него дальше.

– Ну и ладно, – неожиданно успокоился Иван.

– Я тогда пойду, – заторопился Наполеонов и, не оглядываясь, направился к лестнице.

Интуитивно он ожидал, что парень хлопнет дверью. Ан

нет, дверь закрылась мягко, тихо щёлкнул замок.

«Это у них, видать, семейное», – подумал он, спускаясь вниз по крашенной масляной краской лестнице. Кто-то бы непременно сказал – прошлый век.

Наполеонов, хотя и не поверил, что сможет найти Королёва на могиле Николая Щорса, всё-таки, забравшись в салон своей белой «Лады Калины», поехал в сторону городских кладбищ.

На входе он расспросил, как ему найти могилу красного командира, и, оставив машину на стоянке, пешком отправился в указанном ему добрыми людьми направлении. Даже цветов прикупил у старушки. Неудобно же идти к человеку, хоть и покойному, с пустыми руками.

Когда Шура Наполеонов учился в школе, красных галстуков уже не носили, об Октябрьской революции школьникам особо никто не рассказывал и песен о Щорсе не пели.

Однако мать рассказывала ему о своих школьных годах. И от стариков, как во дворе, так и на работе, ему довелось услышать немало о том, что было раньше. Так что кто такой Щорс, Наполеонову было хорошо известно.

И теперь, медленно приближаясь к месту назначения, он думал о том, как странно складываются жизненные судьбы людей. Взять хотя бы Щорса. Паренёк, родившийся в девятнадцатом веке, сложил свою молодую голову за дело революции в начале двадцатого века. Была у него вера в то, что он служит своему народу и своей родине. Было ему всего два-

дцать четыре года. Жить бы ещё парню и жить. Жениться на хорошей девушке, детей нарожать. А тут на тебе! Вера в священный огонь мировой революции...

Из задумчивости Наполеонова вывел раздавшийся совсем близко ровный мужской голос.

От неожиданности следователь даже вздрогнул и остановился. И тут он увидел захоронение, гранитный памятник и седого человека, стоявшего рядом. Наполеонов догадался, что это и есть Ярослав Ильич Королёв. Иван сказал ему правду. А он, Фома неверующий, ещё усомнился в словах паренька.

– Ну что, Микола, что, брат? – горестно спросил безмолвную могилу Щорса учитель истории. – Видишь, как оно всё повернулось. Прости нас всех и меня в том числе, не сберегли мы то, за что ты голову свою молодую сложил.

Наполеонов затаил дыхание и стоял минут пять неподвижно, боясь вмешаться в беседу двоих, один из которых не имел возможности ответить, даже если бы захотел.

Выждав ещё немного, следователь подошёл к могиле и положил цветы. Снова воцарилась тишина.

Потом Королёв поднял голову, посмотрел на Наполеонова и спросил:

– И вы к Николаю пришли? Что-то я вас здесь раньше не видел.

– Так получилось, – ответил следователь. – Я на могиле у Николая, можно сказать, случайный гость.

– Вот как? – Старик приподнял седую бровь.

– Я следователь, Александр Романович Наполеонов.

– Следователь? – ещё больше удивился Королёв. – А вы не шутите, молодой человек?

– Какие же тут могут быть шутки. Вообще-то я искал вас, Ярослав Ильич.

– Меня? – удивился Королёв.

– Да, вас.

– За какой же такой надобностью?

– Хочу поговорить с вами о Фроле Евгеньевиче Тавиденкове.

Старик нахмурился и ответил:

– А я об этом буржуе ни с кем говорить не желаю! Ни с вами, ни... – старик неожиданно запнулся.

– Вы хотели сказать – ни с Иваном. То есть вашим сыном.

– Да хоть бы и так! Вам-то какое дело?!

– Разве вы, Ярослав Ильич, не знаете, что Фрола Евгеньевича убили?

– Как убили?

Наполеонов пожал плечами. Он не собирался описывать Королёву устрашающую картину, увиденную им на месте преступления.

– Значит, Тавиденкова всё-таки кто-то убил, – задумчиво проговорил тем временем старик.

– Вдова считает, что это сделали вы.

– Я? – удивился Королёв. – Хотя в этом нет ничего уди-

вительного.

– То есть? – настала очередь удивляться следователю.

– Мать Даши та ещё самодура, – спокойно объяснил Королёв.

– А разве вы не желали ему смерти?

– Тавиденкову? – уточнил старый учитель.

Наполеонов кивнул.

– Лично ему нет. Я желаю гибели всему капитализму. А не одному-единственному его представителю.

– Невыполнимую вы, Ярослав Ильич, поставили перед собой задачу.

– Как сказать, – отозвался учитель, – капля камень точит.

Королёв с полминуты внимательно изучал следователя, потом проговорил:

– В вашей неподкупности у меня сомнений нет. Но об остальном мире у меня не такое благостное впечатление.

– Отчего же?!

– Вы телевизор смотрите, молодой человек?

– Мне некогда его смотреть, – вздохнул следователь.

– И это зря. Могли хотя бы новости смотреть, узнали бы, что весь бедлам, что творится вокруг, волнует только журналистов и общественников, то есть таких, как я, не согласных терпеть произвол и беззаконие.

– Например?

– Вы прямо как с луны свалились! Неужели вы не знаете, что буржуи захватывают земли в водоохранных зонах, стро-

ят там коттеджи, базы отдыха или даже устраивают там свалки! Уничтожают на корню реликтовую природу!

– Я знаю, что в нашем городе многие памятники сохранены и защищены от разрушения не без участия областной власти, в частности губернатора, – решил возразить Наполеонов.

– Будем считать, что в этом плане нашей губернии повезло. Но как угнетаются люди! И в нашем городе в том числе!

– Как?

Королёв посмотрел в глаза Наполеонова, и тот явственно прочёл во взгляде учителя намёк на то, что он и впрямь свалился с луны или совсем недавно выбрался из кочана капусты.

– Вы знаете, сколько люди работали в советское время?

– Восемь часов в день, пять дней в неделю, – послушно ответил Наполеонов, как примерный ученик на уроке.

– А сейчас? – спросил Королёв.

– По-разному, – уклончиво отозвался следователь.

– Я не говорю о тех, у кого ненормированный рабочий день, я веду речь об обычных людях. Многие из них стали трудоголиками вовсе не по своей воле. А по воле таких эксплуататоров, как Тавиденков! Нашим волкам, сколько бы они ни содрали мяса с овец, всё мало! За соблюдением Трудового кодекса никто не следит! Люди работают как при царском режиме! Однако есть страны, в которых люди работают умеренно.

– Да? – рассеянно переспросил Наполеонов.

– Да! Взять хотя бы Голландию! Там не только тюльпаны выращивают, но и о людях заботятся! Самая короткая в мире рабочая неделя в Нидерландах. Она составляет всего двадцать девять часов. Тридцать три часа в неделю в Дании и во всех Скандинавских странах. Австралийцы работают тридцать четыре часа в неделю. Даже те, кто работал неполный день, имеют право на отпуск и пособие выходного дня. Вот это я понимаю! Государство на деле заботится не только о том, чтобы обогащались богатые, но и о том, чтобы простые люди имели и работу, и личную жизнь. А кому из нас не приходилось слышать, что немцы аккуратисты и трудоголики. Так вот, в Германии люди работают тридцать пять часов в неделю. А теперь ещё в связи с финансовым кризисом работников стараются не увольнять, а сокращать рабочий день. При этом государство следит за тем, чтобы люди не потеряли в деньгах, и доплачивает работникам до привычной суммы заработной платы. Ирландцы ещё в конце восьмидесятых годов прошлого века работали по сорок четыре часа, но потом им удалось добиться того, что теперь их рабочая неделя составляет тридцать пять часов. Молодцы ирландцы! Ничего не скажешь. В Швейцарии, Бельгии и Франции рабочая неделя также длится тридцать пять часов. В Швейцарии к тому же принят сокращённый рабочий день. Профсоюзы во Франции бьются с правительством за четырехдневную неделю и шестичасовой рабочий день. Флаг, как говорится, им в

руки! В Испании работают тридцать шесть часов в неделю. При этом в жару испанцы прерываются на сиесту на два-три часа в рабочий день. В Италии и Швеции также работают по тридцать шесть часов. Итальянский работодатель может попросить сотрудника задержаться на сверхурочную работу, за соответствующую плату, разумеется. Но если он задерживает своих сотрудников часто, его ожидает наказание, предусмотренное законом.

Королёв сделал паузу и покачал головой, потом продолжил:

– Чего нельзя сказать об англосаксах! В Великобритании работают тридцать девять часов в неделю. В США по сорок шесть часов в неделю. Становится понятным, с кого берут пример наши «новые хозяева жизни». Но нужно признать, что наши богатеи переплюнули капиталистов США, так как у нас на многих предприятиях, особенно в строительных организациях, работают по сорок восемь – пятьдесят часов в неделю. Хотя им есть ещё куда стремиться. В Южной Корее и Японии люди работают по пятьдесят – пятьдесят пять часов в неделю. Без выходных! В Японии даже термин такой есть – «кароси» – внезапная смерть на рабочем месте от переутомления, равнозначный нашему «от работы кони дохнут». Убедил я вас, молодой человек, или нет?

– Убедили, – вздохнул Наполеонов. – Но вы-то что можете со всем этим сделать?

– Просто я считаю, что и один в поле воин. И я должен

до последнего своего вздоха сражаться за души своих учеников! Бороться с оборотнем капитализма.

Следователь тяжело вздохнул, понимая, что переделать старого учителя ему не удастся. На всякий случай он проговорил:

– Вот вы ходите на могилу Щорса. А ведь, не будь революции и Гражданской войны, он не погиб бы в двадцать четыре года. Женился бы, родились бы у него дети.

Королёв удивлённо уставился на следователя:

– А вы что, разве не знаете, что Коля был женат и дети у него были.

– Женат? – переспросил Наполеонов.

– Конечно. Жена его, Фрума Ефимовна Хайкина, жила под партийным псевдонимом – Ростова, была не только революционеркой, участницей Гражданской войны, но в послевоенные годы и инженером, организатором строительства. Дожила она до тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

Шура тихо вздохнул.

– Что вы вздыхаете, молодой человек? А вы знаете, сколько лет было Щорсу, когда его назначили комендантом Киева?

– Не знаю.

– Двадцать четыре года. В августе он погиб. Временное рабоче-крестьянское правительство успело наградить Николая почётным золотым оружием. И между прочим, до то-

го, как стать командиром красногвардейских повстанческих формирований, начальником дивизии Красной армии времён Гражданской войны, Щорс прошёл Первую мировую войну. Это вам не на ринге в одних трусах прыгать.

– Понятно, – пробурчал Наполеонов. – Вечная ему память.

– И дочка у них с женой была. Правда, родилась уже после смерти отца. Валечкой назвали. Она стала врачом, работала в клинике КГБ. Замуж вышла за И. М. Халатникова, ставшего известным физиком, академиком. Из жизни Валентина Николаевна ушла в две тысячи пятом году. Почитай, совсем недавно.

– Этого я не знал, – признался Наполеонов.

– Внуки у Миколы остались. Живут в России и США. – Имя родной страны России Королёв произнёс благоговейно, точно омывал её белыми росами.

– Что ж, теперь буду знать, – сказал следователь.

За разговором мужчины не заметили, как оказались за воротами кладбища.

– Что ж, разрешите распрощаться с вами, молодой человек, – сказал Королёв.

– Одну минуточку, Ярослав Ильич, – проговорил Наполеонов, – могу ли я исходя из нашей беседы с вами сделать вывод, что Тавиденкова мог убить работающий на его предприятии человек, скажем так, разделяющий ваше мнение о нём?

– Ни в коем случае! – отмахнулся учитель истории. – Скорее всего, его убил кто-то из своих.

– Партнёр, что ли? – удивился следователь.

– Не знаю, но почему нет.

– На чём основано ваше предположение или, как у нас говорят, версия?

– На показухе!

– То есть?

– Всё разыграно как по нотам, чтобы ткнуть полицию носом в причастность к преступлению работяг! Скажете, нет? – Королёв прищурил один глаз.

– Да нет, не скажу, – протянул Наполеонов.

– То-то и оно, – тихо отозвался Королёв.

– До свидания, Ярослав Ильич, – ответил следователь.

Неожиданно для него учитель протянул ему руку, и Наполеонов с энтузиазмом пожал её. Он и сам не заметил того, что Королёв и в его душу заронил искру.

Остаётся надеяться только, что из неё не разгорится пламя.

Глава 4

– Богатство подобно морской воде, от которой жажда тем больше усиливается, чем больше пьёшь, – пробормотал себе под нос Наполеонов слова Шопенгауэра. И решил поинтересоваться условиями труда на предприятии Тавиденкова и Кобылкина. А то, может быть, скоро отвечать перед рабочим классом придётся и второму компаньону.

Наполеонов бросил взгляд на часы и, прикинув в уме, что после долгой беседы с Королёвым заехать на предприятие компаньонов он не успеет, решил отложить разговор с Кобылкиным на завтра.

И тут ему захотелось дружеского участия и чего-нибудь вкусного. Поэтому он направился в коттеджный посёлок, в котором жила его подруга детства частный детектив Мирослава Волгина и её помощник Морис Миндаугас.

Увидев, что друзья рады его приезду, Шура сразу же спросил о самом главном:

– И что у нас сегодня на ужин?

– Вообще-то мы тебя не ждали, – загадочно улыбнулась Мирослава.

– Действительно, – согласился Морис, – ты же не предупредил...

– Так я сам не знал, что приеду! – начал оправдываться Наполеонов.

– Вот видишь... – На лице Миндаугаса зеркально отобразилось загадочное выражение Мирославы.

– Кончайте темнить! – начал терять терпение Наполеонов. – Признавайтесь, чего будем есть на ужин!

– Топинамбур, запечённый с сыром.

– Чего? – У Шуры глаза полезли на лоб.

– Топинамбур – «гелиантус туберозус», в переводе с латыни на русский – «подсолнечник клубненосный», – охотно принялся объяснять Миндаугас, – в России его называют земляной грушей.

– Ты что, издеваешься? – мрачно поинтересовался Шура.

– Ну что ты! – воскликнула Мирослава, сделав невинные глаза, и обратилась к помощнику: – Морис, продолжай. – Посмотрела на Шуру и пропела: – Дальше самое интересное!

Наполеонов стиснул зубы.

А Миндаугас послушно продолжил:

– Слово «топинамбур» обозначает не что иное, как название племени индейцев Чили – топинамбур. Древние индейцы, выращивавшие это растение ни один век, славились крепким здоровьем, долголетием и плодовитостью.

– Придушу! – сказал Наполеонов.

Ни один из детективов и ухом не повёл. А Миндаугас продолжил свою просветительную лекцию, точно она была у него записана на внутренний диктофон:

– Известно, что царь Алексей Михайлович однажды повелел опросить всех знахарей об известных им способах вра-

чевания и целебных травах, которые они использовали при исцелении больных. Оказалось, что земляной грушей, настоящей на вине, знахари пользовались для лечения сердечных болезней. Современная народная медицина также использует препараты из топинамбура при лечении сердечно-сосудистых заболеваний, особенно при гипертонии, ишемической болезни и тахикардии. Кроме того, топинамбур применяется при желудочно-кишечных болезнях, ожирении, упадке сил.

– У меня и сердце, и желудок – всё в полном порядке! – взревел Наполеонов. – А до упадка сил меня доводите вы своей травяной кормёжкой!

– Не кричи ты так, – сказала Мирослава, – есть запечённые куриные окорочка и грудка. Ты что будешь?

– Всё!

– Ладно, так и быть, получишь половину грудки.

– Почему это только половину? – вознегодовал Шура.

– Вторая половина для Дона.

– Ему и четвертинки хватит! А завтра для своего господина ещё запечёте.

Морис с Мирославой, глядя на страдальческое выражение лица Наполеонова, расхохотались.

– Вот злыдни, – тяжело вздохнул Шура.

– Ещё есть пирожки с зелёным луком и яйцами.

– Чего же вы молчали?! Тащите их скорее на стол.

– Так лук тоже в некотором роде трава, – коварно заметила Мирослава.

– Зато яйца – точно не трава!

– Иди руки мой, наш вечно голодный!

– Если бы вы пахали столько, сколько пашу я, посмотрел бы я тогда на ваш аппетит, – проворчал Наполеонов, направляясь в сторону ванной комнаты.

Вслед ему нёсся дружный смех детективов.

После сытного ужина Наполеонов, спихнув рассерженного кота, разлёгся на диване.

– Шура, не наглей, – сердито сказала Мирослава, взяла кота на руки и бережно перенесла его на кресло.

– Ты бы лучше меня так носила на руках, – лениво проговорил Наполеонов, – а ведь были времена...

– Обойдётся, – перебила его Мирослава.

– Эх, – вздохнул Шура, – если бы вы только знали, какое дело я веду.

– Расскажи, узнаем, – небрежно обронила Мирослава.

– Бизнесмена Тавиденкова убили. Не слышали о таком?

– Знакомая фамилия, – Морис и Мирослава переглянулись.

– Убили его прямо по Маяковскому, – нервы у детективов крепкие, поэтому следователь, не щадя их, живописал картину места преступления самыми яркими красками, на которые только был способен.

Ни один из детективов не изменился в лице.

«Выходит, зря старался», – подумал Шура. И сказал:

– Мы установили, чем именно был убит буржуй. Это, ко-

нечно же, только предварительная версия, – добавил он осторожно.

– И чем же?

– Не поверишь, булыжником.

– Вполне даже оружие пролетариата.

– Вот и я про то же. Хотя интеллигент тоже может приложить.

Мирослава взяла из вазы сочное яблоко, надкусила его, села на краешек дивана и спросила:

– Шура, у тебя есть подозреваемые?

– Есть, – кивнул Наполеонов.

– Кто? – в один голос спросили детективы.

– Школьный учитель Королёв. Ему семьдесят восемь лет, а он всё работает.

– Шутишь?

– Ничуть. Мне на него вдова указала.

Мирослава фыркнула.

– И ты расследуешь эту версию?

– Нет, но на моё начальство давят сверху.

Мирослава подмигнула Морису так, чтобы Наполеонов не заметил, и проговорила:

– Шура, я тебе не верю! Кончай прикалываться!

– Ты ещё больше не поверишь, если я скажу, что нашёл его на могиле Щорса.

– Да ты что? – воскликнула Мирослава.

Морис выглядел растерянным.

– Что, темнота европейская, не знаешь, кто такой Щорс? – почему-то саркастически спросил Шура.

Морис не понял его сарказма и отвернулся.

– Не обращай внимания, – Мирослава встала и похлопала Миндаугаса по плечу, – это в нём разыгралась классовая ненависть. Она как гены, – невесело усмехнулась Мирослава, – передаётся по наследству.

– Да, извини, – нехотя повинился Наполеонов, – Мирослава права.

– Объясни мне, кто этот Щорс, – потребовал уставший находиться в неведении Морис, – хотя я могу и в интернете посмотреть.

– Не надо, – остановил его Наполеонов, – ты хоть раз слышал песню о красном командире? – Шура напел несколько строк, которые помнил сам.

– Вроде бы что-то знакомое, – неуверенно ответил Миндаугас.

– Это про него. Про Щорса.

Морису от Шуриных слов яснее не стало, и он решил всё-таки позже посмотреть в интернете.

– Слав! – снова начал заводиться Шура. – Ты вот скажи мне, почему люди, при том заметь, молодые, отдавали свою жизнь за светлое будущее! Сражались с буржуями за народ. А в результате? Через какое-то время снова буржуины из всех щелей вылезали и ну сосать кровь из трудового народа.

– Ты так говоришь, словно имеешь в виду клопов или та-

раканов.

– Ага, паразитов. И не берёт их ни дуст, ни дихлофос.

– Моя мама, между прочим, – проговорил Морис, – учитель французского языка.

– Вот именно! Русская интеллигенция и устраивала революции.

– Моя мама вообще-то не русская, – напомнил Морис. И сделал он это не вовремя, ох, не вовремя.

– Тем более, – рявкнул Наполеонов.

– Лучше помолчи, – сказала Миндаугасу Мирослава, – дай ему перебеситься.

Морис пожал плечами, но про отца, капитана рыболовецкой шхуны, решил пока не напоминать съехавшему с катушек другу.

Только позднее спросил у Мирославы, имея в виду родителей Наполеонова:

– А разве преподаватель музыки и учёный не относятся к интеллигенции?

– Относятся, ещё как относятся, – отозвалась Мирослава, – но на данный момент Шуру переклинило.

Сам Наполеонов, ощущая неясное жжение в груди, и не догадывался о том, что это «дело рук» искры, которую заронил в его душу старый коммунист, учитель истории Королёв.

Он уснул на диване в гостиной, и никто не стал его будить, так что комната, в которой он спал, оставаясь ночевать у Мирославы, в эту ночь пустовала.

Луна заглядывала в гостиную через неплотно закрытые шторы. Один из лучей ночного светила, точно серебряный перст, сначала коснулся подушки, а потом уткнулся в уголок рта спящего следователя, поднялся выше, легко коснулся ресниц. Но Наполеонов ощутил это касание света и, что-то недовольно пробормотав, перевернулся на другой бок.

Проснулся он рано. Втянул носом воздух. Из кухни доносился вкусный мясной запах. Потянувшись, он встал с дивана и, умывшись, появился в дверях кухни.

– Чем это таким вкусным пахнет? – радостно воскликнул он.

– А где твоё доброе утро? – спросил Морис.

– Тут оно! – горячо заверил его Шура. – Доброе утро, Морис!

– Доброе утро, Шура. Котлеты будешь?

– Ещё как буду! – обрадовался Наполеонов. – А что на гарнир?

– Спагетти.

– Пойдёт! Хочешь, я тебя расцелую?

– Нет, – испуганно ответил Морис и попятился.

– Ладно, не бойсь! Я вместо тебя усатого расцелую.

Дон, сидевший на подоконнике, тотчас спрыгнул на пол и выскользнул из кухни. Морис посмотрел ему вслед сочувствующим взглядом.

Шура, сделав вид, что ничего не заметил, сел за стол, уничтожив весь завтрак до последней крошки, сказал «спасибо»

и отбыл в город.

Машина Наполеонова выехала на дорогу, ведущую в Старый город. Непонятно почему, но большинство бизнесменов предпочитали именно там размещать свои офисы. Хотя арендная плата в Старом городе была заоблачной.

Неожиданно машины, идущие впереди, стали сначала сбавлять скорость, а потом и вовсе останавливаться.

«Неужели я застряну в пробке? – сердито подумал следователь. – Только этого мне не хватало до полного счастья».

Он уже хотел было выбраться из салона, но вовремя сообразил, что изменить ничего в сложившейся ситуации не получится. Если бы рядом было метро. Но строительство метро в направлении Старого города только начато, и пользоваться им, по словам властей, можно будет только через три года. Наполеонову тотчас же пришла на ум пословица, что обещанного ждут три года. И он, достав книгу из бардачка, чтобы сберечь себе нервы, уткнулся в неё носом.

Но разговор с компаньоном Тавиденкова Кобылкиным у следователя всё-таки состоялся. Пробка рассосалась за полчаса, и счастливая вереница автомобилей ожила и продолжила движение.

Денис Сергеевич Кобылкин не стал отговариваться занятостью и строить из себя крутого босса, он принял следователя сразу же, как только секретарь сообщила ему, что тот прибыл лично, чтобы побеседовать.

Первое, что встретил следователь, войдя в кабинет бизне-

смена, был острый изучающий взгляд его хозяина. Наполеонов замер в дверях.

– Проходите, проходите, – тут же разулыбался Денис Сергеевич.

– Следователь Наполеонов Александр Романович.

– Как же, как же, – благодушно проговорил Кобылкин, – наслышан.

– От кого же?

– Разве сами не догадываетесь? – улыбка Кобылкина, как показалось следователю, вышла за пределы его лица. – От Стеллы, конечно. Садитесь.

– Спасибо. Я хотел бы поговорить с вами о смерти вашего компаньона.

– Прискорбно, – вздохнул Кобылкин, и лицо его сразу же стало мрачным, точно кто-то внутри его выключил лампочку.

Наполеонов молча смотрел на хозяина кабинета, и тот, не выдержав, спросил:

– Я-то, собственно, чем могу вам помочь?

– У вас имеются конкуренты?

– Я вас умоляю! – воскликнул Кобылкин. – Оглянитесь вокруг!

Следователь чуть было не последовал его призыву, но вовремя удержался и сухо спросил:

– Что вы хотите сказать?

– Только то, что сейчас такой бум в строительстве, что мы

не успеваем производить материалы, они разлетаются в одно мгновение.

– То есть бизнес у вас прибыльный?

– Весьма и весьма, – благодушно согласился Кобылкин.

«Ни дать ни взять кот, объевшийся сметаны, – подумал про него следователь. – Ну, какой из него Кобылкин?! Маленький, кругленький. Ему бы быть Котейкиным».

– А что вы можете сказать о его жене? – неожиданно спросил Наполеонов.

– О Стелле? – удивился Кобылкин. – Пардон, Эдуардовне?

– О ней самой, – кивнул Наполеонов.

– Да что о ней можно сказать? Женщина она шикарная и, пардон, праздная.

– Что значит – праздная? – решил уточнить Наполеонов. – Женщина-праздник, что ли?

– Кому-то, может, и праздник, – хихикнул Кобылкин, – но я имел в виду другое, – замялся компаньон.

– Что же именно, уточните, пожалуйста.

– Разве это важно?

– Весьма, – заверил его Наполеонов.

– Ну, что ж, – пожал плечами Кобылкин, – я хотел сказать, что Стелла Эдуардовна не делает ни черта! Пардон, конечно. У неё на уме одни салоны красоты, тряпки и всякие побрякушки.

– Так уж и побрякушки, – не смог сдержать улыбку Наполеонов, вспомнив о руках Стеллы Эдуардовны. Пальцы жен-

щины были плотно унизаны кольцами, надо думать, не с дешёвыми камнями.

– Согласен, – кивнул Кобылкин, – цена побрякушек Стеллы соответствует статусу её мужа. Но сути это не меняет.

– Согласен, – в тон ему ответил следователь и спросил: – А ваша жена чем-то занимается? Извините, что перехожу на личности.

– Ничего страшного, – Кобылкин изобразил на лице широкую улыбку и самодовольным тоном заявил: – Моя жена экономист и трудится на нашем предприятии.

– Вам повезло.

– Несомненно.

– Денис Сергеевич! А у вас нет предположений, кто мог убить Фрола Евгеньевича?

– Никаких, – развёл руками Кобылкин.

– А вот у Стеллы Эдуардовны кандидат в убийцы имеется.

– Да что вы говорите? – вполне искренне удивился Кобылкин. – И кого же она подозревает, если это, конечно, пardon, не тайна следствия.

– Не тайна, – краешком рта улыбнулся следователь.

Кобылкин посмотрел на него вопросительно.

– Стелла Эдуардовна считает, что её мужа убил учитель Ярослав Ильич Королёв.

Денис Сергеевич присвистнул.

– Не свистите, – строго сказал ему Наполеонов, – денег не будет.

– Пардон, я в приметы не верю, – усмехнулся Кобылкин.

– И это правильно. А как вы относитесь к словам Стеллы Эдуардовны?

– Блажит баба! – хмыкнул компаньон Тавиденкова. – Пардон, женщина.

– Почему вы так думаете?

– Потому что этот учитель старик!

– Откуда вы знаете? Ваши дети тоже у него учились?

– Нет, бог миловал! Об учителе мне Фрол Евгеньевич рассказывал, царствие ему небесное. Говорил, что у его дочери роман с сыном этого учителя, а Стелка, пардон, Стелла Эдуардовна бесится.

– А сам он как к этому относился?

– Нормально относился, – пожал плечами Кобылкин, – сказал что-то типа того, что сердцу не прикажешь. И почему бы его дочери разок и не сходить замуж за сына учителя.

– Что значит – разок? – удивился Наполеонов.

– А то и значит, что сейчас никто одним браком не ограничивается.

Наполеонов про себя подивился странной философии современных буржуа, но вслух своего мнения высказывать не стал. Только не удержался и спросил:

– А вы, Денис Сергеевич, в который раз женаты?

– В первый, – улыбнулся Кобылкин и хмыкнул, – но ведь ещё не вечер.

– И впрямь, – согласился Наполеонов, на глаз прикидывая

возраст собеседника. – Вот ещё о чём я хотел спросить вас, Денис Сергеевич...

– О чём?

– Вас антураж с места убийства ни на какую мысль не наводит?

– Нет. А что, должен?

– Ну, как же, ананасы, рябчики, надпись на стене.

– Ах, вы об этом, – отмахнулся Кобылкин, – ерунда.

– То есть?

– А вы что же думаете, что моего компаньона буржуя пролетариат придушил?

– Откуда вы знаете, что его придушили? Пока известно только то, что его камнем по голове ударили.

– Это я просто образно выразился! И не сбивайте меня с мысли!

– И не думал. Продолжайте.

– Так вот, все эти ананасы, рябчики – чушь несусветная! Вы что же думаете, что какой-то работяга до такой степени начитался Маяковского, что решил поэтическую мысль воплотить в реальность?

– Почему бы и нет?

– Да потому! Нужно быть идиотом, чтобы тратить зарплату на недешёвые ананасы. Это раньше их солили на зиму в бочках!

– Опять же буржуи солили, – усмехнулся Наполеонов.

– Не соглашусь с вами. Этим занимались аристократы. А

нам, грешным, куда до них, как из грязи в князи.

«Это он точно подметил», – подумал следователь.

– Да ещё этот рябчик! Где он его взял? Сам подстрелил?

– Мог купить на рынке.

– Да уж, цыплёнком слабо было обойтись.

– Нарушится смысл стиха.

– Чепуха всё это! Ни в жизнь не поверю, что кто-то, даже из числа обиженных или разгневанных на Тавиденкова рабочих, стал бы заморачиваться со всей этой мишурой.

– Может быть, Денис Сергеевич, вы и правы. И всё-таки я хотел бы посетить ваше предприятие и на всё посмотреть собственными глазами.

– Езжайте и посещайте. Я сейчас вам разрешение выпишу, и, как говорится, скатертью дорога. Адрес вы знаете?

– Разумеется.

Кобылкин нажал на вызов селекторной связи и крикнул:

– Зина! Будь добра, бланк пропуска на завод.

– Сию минуту, Денис Сергеевич, – отозвался мягкий девичий голос.

И вскоре подписанный пропуск был уже в кармане следователя.

«Вот как всё просто, – подумал он, – никто даже попробовать не стал чинить мне препятствия».

Не откладывая дело в долгий ящик, следователь отправился на предприятие. Долго ходил по цехам, приглядывался к людям. Рабочий класс смотрел на следователя волком,

в лучшем случае равнодушно, как на пустое место.

«Не доверяют люди власти, – с горечью думал следователь, – не считают её родной».

Отвечать на его вопросы, правда, никто не отказывался, но никто и не скрывал, что скорби, даже лёгкой грусти, не испытывает по поводу безвременной смерти хозяина. На многих лицах можно было прочесть – «собаке собачья смерть».

На вопрос, сколько длится рабочий день, отвечали ухмылками на мрачных лицах.

– Всё понятно, – бормотал следователь.

Понятно ему было только одно, что при таком раскладе убить Тавиденкова мог кто угодно. В таком случае и за жизнь Кобылкина Наполеонов не дал бы гроша ломаного. Однако тот уверен в своей неуязвимости. И это, как ни крути, странно...

Зато теперь у следователя после ознакомления с условиями труда на предприятии Тавиденкова и его компаньона подозреваемых тьма тьмущая.

Глава 5

Детективы позавтракали примерно через час после отъезда из их дома Наполеонова. И их завтрак не был таким плотным, как завтрак следователя. Морис решил приготовить овсянку на курином бульоне, тем более что её ел кот. Именно ему первому он и наложил кашу в миску, поставив её перед носом кота на подоконник с традиционными словами: «Овсянка, сэр!»

Кот втянул носом куриный аромат, убедился в том, что каша не горячая, и, не роняя своего кошачьего достоинства, считай, царского, принялся за еду.

Морис улыбнулся краешком рта и поставил на стол тарелки с кашей для Мирославы и для себя.

– Вкусно пахнет, – сказала она и, точно так же как Дон, втянула в себя носом аромат, идущий от тарелки.

– Что мне в вас нравится, так это то, что вы абсолютно неприхотливы в еде.

– Именно за это ты меня и любишь, – лукаво улыбнулась Мирослава.

– Ничего подобного! – возразил Морис.

– Да? – протянула она делано удивлённо.

– Конечно. Любят ни за что-то, а вопреки!

– А я-то думала, – проговорила Мирослава сокрушённо, – что ты оценил мои достоинства.

– Это какие же? – поинтересовался Морис.

– Ну, как же! Я с помощью интуиции и логики разгадываю криминальные загадки, отлично дерусь, имею чёрный пояс по карате, быстро бегаю, ловко прыгаю, стреляю с двух рук, профессионально вожу автомобиль...

– Да, да, – закивал он, прервав её оду своим достоинством, – всё это очень важно для семейной жизни. Видимо, этому и учили девушек в институте благородных девиц.

– Извини, что разочаровала, – фыркнула она, – домашнее хозяйство меня не интересует. Гладить я умею только котов и мужчин. Сварить, правда, чего-нибудь смогу, но...

– Не хочу, – закончил он за неё.

– Точно! Так что, – она выразительно пожала плечами.

– Так я не в претензии, – ответил он. – К тому же сам всё, что нужно, делать умею.

– Морис! Я всегда говорила, что ты сокровище! – искренне проговорила Мирослава. – Можно только позавидовать той женщине, которой ты достанешься в мужа.

– А вы не хотите стать этой счастливицей?

– Стать счастливицей хочу, а замуж идти не хочу, – вздохнула она.

– Тогда доедайте кашу, – в тон ей вздохнул Морис.

После завтрака они убрали всё со стола и вышли на веранду.

– Тебе не кажется, что скоро осень? – спросила Мирослава.

– Не кажется, я знаю это наверняка, – ответил Морис.

– Какой ты умный!

– А то!

– Тогда иди к своему ноутбуку и узнай мне как можно больше о самом Ярославе Ильиче Королёве и о его семье.

– И ты, Брут? – усмехнулся Морис.

– Что ты имеешь в виду? – изогнула бровь Мирослава.

– Только то, что вы, как и Шура, занесли Королёва в список подозреваемых под номером один.

– Ничего подобного! – возразила она. – Я уверена, что Наполеонов кандидатуру учителя на роль убийцы никогда не рассматривал всерьёз. Как и я.

– Зачем же он познакомился с ним?

– Обычная привычка профессионала отрабатывать все возможные версии.

– Вы заинтересовались Королёвым по этой же причине?

– Не совсем. Сначала после визита вдовы убитого я беспокоилась, как бы на него не навесили всех собак. Но после рассказа Шуры я поняла, что Королёв вне подозрения. Зато сам по себе учитель – личность весьма интересная.

– Чем же?

– Своей способностью влиять на окружающих.

– Думаю, что призрак коммунизма в современном мире так же безопасен, как и призрак отца Гамлета.

– Не скажи! Ты не заметил, как вчера искрил и даже истерил Шура.

– Что-то такое было, – согласился Морис.

– И это случилось с ним после общения с Королёвым! Теперь постарайся представить, какое влияние он может оказывать на юные неокрепшие души.

– Я бы представил, – улыбнулся Морис, – только есть одно «но».

– Какое?

– Эти юные души развращены интернетом и впитываемыми с детства из окружающей среды установками на потребительскую жизнь.

– Не все же!

– Не все. Но многие. Тачки, ночные клубы, поездки за границу, «кешбэки и на это, и на то».

– А ты знаешь, Морис, если Королёв сплотит вокруг себя своих учеников, то они вполне справятся со всеми твоими «но». К тому же этому могут поспособствовать изменившиеся тенденции.

– Не понял.

– Ладно. Неважно. Вернёмся к Тавиденковым. Я беспокоюсь за их дочь Дашу.

– С чего бы это? – удивился Морис.

– Девушка тоже училась у Королёва, и она любит его сына.

– А отец возлюбленного встал на дыбы.

– Вот именно!

– Кажется, мы вернулись к точке отсчёта, и я вынужден задать вам вопрос: «Не думаете ли вы, что Королёв убил Тави-

денкова, чтобы помешать воссоединению его дочери со своим сыном?»

– Нет, я так не думаю.

– Хотя человек с воображением и его установками вполне мог именно так обставить место убийства.

– Не думаю, что пенсии и зарплаты учителя хватает на ананасы и рябчиков.

– В принципе, да.

– Насколько мне помнится, ещё Максим Горький говорил: «Нелепо же платить гроши человеку, который призван воспитывать народ! Нельзя же допускать, чтобы этот человек ходил в лохмотьях, дрожал от холода...» Что-то мне подсказывает, что с тех пор мало что изменилось.

– Вам виднее.

– Угу. Власть предрежающие классиков не читают или не прислушиваются к их словам. Так что иди и работай.

– Слушаюсь, мой повелитель.

– Повелительница, – машинально поправила Мирослава, уже думая о чём-то другом.

Морис усмехнулся и, ничего не ответив, ушёл.

Волгина постояла несколько минут на террасе, решила, что для дальнейшего продвижения вперёд ей нужно ознакомиться с информацией, которую достанет для неё из сетей Морис и дождаться новостей от Шуры. После чего она вышла на улицу, зашла в свой «сельскохозяйственный сарайчик», сменила обувь, надела перчатки и занялась цветником.

С Морисом они встретились за обеденным столом. И она ни о чём не спрашивала его до завершения трапезы. Впрочем, и тогда он заговорил первым:

– Вы ещё не отказались от своей идеи?

– Нет.

– Тогда слушайте. Королёв действительно до сих пор преподаёт в школе историю. Он вдовее уже двадцать пять лет. Имеет двоих детей, сына и дочь. Его сыну Ивану двадцать два года. Он учится в медицинском институте.

На лице Мирославы промелькнуло то ли озарение, то ли всего лишь предположение.

Морис счёл своим долгом сказать:

– Не похоже на то, чтобы парень нарушал заповеди Гипократа.

– Судишь по соцсетям?

– И по ним тоже, – уклончиво ответил Морис.

– А Иван точно сын Королёва?

– Что вы имеете в виду?

– По возрасту он больше годится ему во внуки.

– Нет, он именно сын.

– Поздний ребёнок. И если жены нет уже двадцать лет, то выходит, что мальчика он воспитывал в одиночку.

– Думаю, что ему помогала дочь.

– А сколько лет дочери?

– Сорок два года.

– Ого! Какая разница в возрасте у брата с сестрой.

– Всякое бывает.

– Да. Как её зовут?

– Марина Ярославовна Полянская.

– Она замужем?

– Да. Муж Глеб Витальевич Полянский. У них, как и у отца Марины, двое детей. Дочь Мария перешла в десятый класс, а мальчик Артём в этом году пойдёт в первый.

– Кем работает дочь?

– Бухгалтером в строительной компании.

– А зять?

– Инженер-технолог на заводе.

– Семья дочери живёт с отцом?

– Сейчас нет. Несколько лет назад Марина Ярославовна купила двухкомнатную квартиру у компании, в которой она работает.

– Откуда деньги?

– Судя по всему, семья расплачивалась за квартиру несколько лет. Вероятно, Полянская, как сотрудник компании, получила скидку.

– Вероятно, – согласилась Мирослава. – Что ты можешь ещё сказать о Марине Ярославовне?

– Собственно, больше ничего о ней выудить из интернета не удалось. Сама она в соцсетях не светится. Информация со страниц дочери Маши.

– По всему выходит, что Марина Ярославовна серьёзная женщина, занятая семьёй и работой.

– Похоже на то, – кивнул Миндаугас.

– Придётся разговаривать с ней.

– Вы уверены, что нам это нужно?

– Нам?

– Да. Я имел в виду наше агентство.

– Не уверена, что это нужно нашему агентству, – улыбнулась Мирослава. – Но я очень хочу с ней познакомиться. Да и узнать о том, не тревожила ли их семью полиция, тоже узнать не помешает.

– Шура же сказал.

– Мало ли что сказал Шура. Насколько я его знаю, он, несмотря на произведённое на него Королёвым впечатление, не преминет познакомиться с членами его семьи, чтобы узнать, чем они дышат. К тому же Стелла Эдуардовна сказала, что она заставила мужа в своё время уволить зятя Королёва. И я просто уверена, что и полицию она проинформировала об этом факте.

– И вы думаете, что полиция могла заподозрить Полянского в том, что он затаил обиду на Тавиденкова и через столько лет устроил животную бойню.

– Я не знаю, в чём и кого могла заподозрить полиция. Ты же видишь, что Шура не особо делится информацией.

– Он и так на этот раз, как мне кажется, сказал нам немало.

– Возможно. Но я должна играть на опережение.

Морису только и оставалось, что снова пожать плечами. Единственное, что он сказал через некоторое время:

– Разрешите вам напомнить, что завтра воскресенье.

– Вот и чудесно! – обрадовалась Мирослава. – Марина Ярославовна, скорее всего, будет дома.

– Они могут с семьёй уехать на дачу, если у них такая имеется.

– Точно! А разве в соцсетях об этом не написано?

– Нет, – покачал головой Миндаугас.

– Значит, дачи, скорее всего, нет, – заключила Мирослава.

– Возможен ещё один вариант, – проговорил Морис.

– Какой?

– Маша не любит дачу и поэтому ничего не написала о ней на своих страницах.

– А по-моему, девочка в любом случае должна была где-нибудь о ней обмолвиться.

– Может быть, вы и правы.

– Да что тут гадать, – сказала Мирослава. – Я позвоню сегодня Полянской и попрошу её о встрече. Надеюсь, ты выудил из пучин интернета номер её мобильного?

– Обижаете, – и он придвинул к ней листок.

– Ты просто бесценный сотрудник!

– Это намёк на то, что я могу попросить прибавку к жалованью? – пошутил он.

– Перебьёшься.

– Чего же следовало ожидать от вас, кроме сладких слов.

– Доброе слово и кошке приятно, – нравоучительно произнесла Мирослава.

– Но я же не кошка!

– Конечно, нет. Ты же мальчик.

Морис рассмеялся и спросил:

– Чем я займусь завтра?

– Чем хочешь.

– Что ж, пока у нас нет никакого расследования, не считая любительского, – в его глазах запрыгали дерзкие искорки, – я займусь завтра садом и наберу яблок для варки варенья и приготовления начинки для пирогов на зиму.

– Шура непременно оценит твои труды, – подмигнула ему Мирослава.

– Надеюсь, что и вы тоже оцените, – ответил он без тени улыбки.

– И я тоже, – согласилась Мирослава, подхватила на руки кота и ушла наверх, в свою комнату.

Когда она позвонила Полянской, было почти девять вечера.

– Здравствуйте, Марина Ярославовна!

– Здравствуйте. С кем я говорю? – поинтересовался приятный женский голос.

– Я детектив Мирослава Волгина.

– Опять полиция? – возмутилась женщина.

«Ага, – подумала про себя Мирослава, – я была права, Шура не мог не сунуть носа в гнездо учителя». Вслух она сказала:

– Нет, я частный детектив.

– Частный? Не понимаю!

– Давайте завтра встретимся, и я вам всё объясню.

Женщина задумалась на некоторое время, потом спросила:

– Стелла Эдуардовна подложила отцу поросёнка, который грозит превратиться в полноценную свинью?

– Типа того.

– Хорошо. Давайте встретимся. Где?

– Можно в сквере возле вашего дома.

– Вы знаете, где я живу?

– Вы забыли, что я детектив...

– Но не ясновидящая же, – нашла в себе силы пошутить Полянская, хотя, судя по её изменившемуся голосу, ей было не до шуток.

– Вы правы.

– Тогда давайте встретимся завтра в одиннадцать утра возле «Старой мельницы». Вы знаете, где это?

– Конечно. Договорились.

Полянская была далеко не первой, с кем Мирослава встречалась в кофейне «Старая мельница».

Когда Мирослава подъехала на место встречи, часы на музейной башне напротив кофейни показывали без пятнадцати одиннадцать. Вот-вот раздастся бой старинных часов.

Несмотря на то что кофейня «Старая мельница» была довольно скромным заведением, в городе её знали и любили, так что на отсутствие посетителей кофейня пожаловаться не

могла.

Мирослава заметила женщину в синем брючном костюме, которая целенаправленно шагала к входу в «Старую мельницу». Детектив неведомо каким образом сразу догадалась, что это и есть Марина Полянская.

Она выбралась из салона автомобиля и окликнула:

– Марина Ярославовна!

Женщина оглянулась, и Мирослава, помахав ей рукой, поспешила к входу в кофейню.

– Вы Мирослава Волгина? – спросила Полянская, когда детектив приблизилась к ней.

– Да. Войдём? – Мирослава кивнула на крыльцо кофейни.

– О да!

Они облюбовали столик возле колонны недалеко от входа и заказали напитки: Полянская – кофе, Мирослава – чай. К чести кофейни, здесь подавали любые напитки, кроме алкогольных. Обе женщины заказали хрустящие ореховые печенья. В кофейне царил приятный полумрак, на столиках горели свечи, создавая уютную камерную атмосферу.

– Спасибо, что вы пришли, – тихо сказала Мирослава.

Марина Ярославовна пожала плечами, давая понять, что не прийти она не могла.

Мирослава решила сыграть с дочерью учителя истории открытыми картами.

– Убит бизнесмен Тавиденков, с дочерью которого, как нам стало известно, встречается ваш брат.

– Увы, – тихо сказала Марина Ярославовна.

И было непонятно, скорбит ли она о смерти Фрола Евгеньевича или сожалеет о том, что брат влюбился в не подходящую для него девушку.

– В наше агентство обратилась Стелла Эдуардовна. Она считает, что с её мужем расправился ваш отец.

– Так вот на кого вы работаете, – воскликнула Полянская, и от её бывлой дружелюбности не осталось и следа.

– Вы ошибаетесь, Марина Ярославовна. Мы отказали Та-виденковой. Но у меня нет сомнений в том, что она выложила свою версию полиции.

– Пожалуй, вы правы, – голос женщины стал прежним. – К нам приходил следователь. Но вы же понимаете всю абсурдность обвинений Стеллы Эдуардовны?

– Естественно. А с Фролом Евгеньевичем вы были знакомы?

– Шапочно.

– Вы давно знаете, что ваш брат встречается с Дашей?

– И да, и нет, – неопределённо отозвалась Полянская.

– То есть?

– Он мне об этом не говорил, – пояснила Марина Ярославовна. – Но я знаю, что отец запретил ему встречаться с этой девушкой. Значит, Ваня встречался с ней?

– Причина отцовского запрета? – спросила детектив.

– Папа на дух не переносит нынешних богатеев.

– А вы?

– Стелла добилась, чтобы моего мужа уволили с их предприятия.

– Понимаю ваши чувства...

– Сейчас это уже не имеет значения.

– Вот как?

– Да, мужу практически сразу после увольнения предложили хорошую работу на заводе. И он ею доволен.

– А вы?

– Если вы интересуетесь зарплатой, то в деньгах муж не потерял от ухода с предприятия Тавиденкова. Скорее, выиграл. Да и в моральном плане тоже, на новой работе к нему относятся с уважением, не заставляют перерабатывать. Рабочие субботы бывают редко. А у Тавиденкова и Кобылкина все недели шестидневные. Представляете?

– Вполне. Я надеялась узнать от вас об отношениях Дарьи Тавиденковой с родителями. В частности, с отцом.

– К сожалению, ничем не могу вам помочь, – ответила Марина Ярославовна.

– Я уже поняла это. Скажите, у вас есть с собой фотографии вашего отца? – неожиданно спросила Мирослава.

– Конечно. Но зачем? – удивилась Полянская.

– Просто захотелось увидеть. А то я столько слышала о нём. – Детектив лукавила, Морис показал ей страницы сына Королёва, и там были фотографии всех членов семьи. Страницу Дарьи Тавиденковой она также просматривала вместе с Миндаугасом. Но ей было важно увидеть, как отреагирует на

её просьбу Полянская. Реакция Марины Ярославовны была естественной и не вызывала вопросов.

– Вот, смотрите, – сказала женщина и протянула детективу свой телефон.

– Ваш отец молодо выглядит, – обронила детектив.

– Да, – с тёплой улыбкой согласилась Полянская, – папа держится молодцом, – она взяла из рук Мирославы свой телефон, но тотчас снова вернула его, – а это мой муж Глебушка, детки Мария и Артём. Листайте дальше! Вот Ванечка, мой брат.

– А фотографии Дарьи у вас нет?

– Извините, нет. – Полянская нахмурилась и забрала свой телефон из рук детектива.

– Что ж, на нет и суда нет, – беспечно проговорила Мирослава.

Когда детектив собралась уходить, Полянская тоже встала. Волгина догадалась, что женщина хочет то ли что-то сказать ей, то ли спросить.

– Я вас слушаю, Марина Ярославовна.

– Я только хотела спросить, – Полянская замялась.

– Спрашивайте.

– Полиция может поверить наговорам Стеллы Эдуардовны?

– Думаю, что нет, – и, подумав, добавила: – Я практически уверена в этом.

– Я так боюсь за отца, – призналась Полянская и, при-

жав руки к груди, проговорила: – Понимаете, папа человек старой закалки. Прямолинейный и, как это ни банально звучит, верный идеалам своей юности. Переубедить его невозможно. Но в то же время я уверена, что отец не способен на убийство.

– Марина Ярославовна, – детектив осторожно дотронулась до руки женщины, – вам не о чем беспокоиться. С вашим отцом всё будет хорошо.

– Спасибо! – горячо выдохнула Полянская.

– Если у вашего отца возникнут какие-либо недоразумения...

– Вы думаете, что ему всё-таки могут предъявить обвинения? – перебила детектива вновь переполошившаяся дочь учителя истории.

– Да нет же! Вообще! Теоретически. Не обязательно касемо именно этого дела, вы всегда можете обратиться в наше агентство. Вот, возьмите мою визитку.

– Ну, что вы! – Полянская испуганно отшатнулась. – Мы не сможем с вами расплатиться.

– Глупости, Марина Ярославовна! Мы всегда сможем договориться. И вам не стоит беспокоиться.

– Спасибо, – искренне вырвалось у Марины Ярославовны, – вы камень сняли с моей души. – Она уже было собралась попрощаться, как остановилась и спросила: – А что же будет с Ваней?

– Что с ним может быть? – не поняла Мирослава.

– Его отношения с Дашей, вдруг они зашли слишком далеко?

– И что? Я думаю, что молодые люди сами разберутся со своими чувствами.

– Так-то оно так. Но ведь яблоко от яблони недалеко падает.

– Разрешите с вами не согласиться, – ответила Мирослава. – Как говорили в советские времена, сын за отца не отвечает.

– Так только говорили. А на самом деле...

– Хорошо. Перейдём к жизненным примерам. Сколько существует родителей, многого достигших и ведущих высоко-моральный образ жизни и при этом имеющих непутёвых детей. Что это?

– Не знаю.

– Я бы сказала, что издержки воспитания. И точно уж не гены.

Полянская задумалась.

– И в то же время, – продолжила Мирослава, – у алкоголиков, воров и так далее нередко вырастают замечательные дети, которые становятся достойными людьми, приносящими пользу обществу, создающими счастливые семьи.

– Вы убедили меня, – кивнула Полянская. – Вот бы вам с моим отцом поговорить! – вырвалось у женщины.

– Нет, уж увольте! – решительно ответила детектив, вспомнив состояние Шуры после беседы с учителем исто-

рии.

– Я понимаю. Но может быть, – нерешительно продолжила Марина Ярославовна, – вы поговорите с Ваней.

Мирослава задумалась, потом ответила:

– Не обещаю, но подумаю над вашей просьбой.

– Спасибо!

– Пока не за что.

Глава 6

Тем временем зародившаяся в голове следователя Наполеонова версия о возможной причастности к убийству Тавиденкова уставших от его гнёта рабочих, казалось бы, нашла подтверждение.

В процессе расследования одной из главных улик стал камень со следами крови Фрола Евгеньевича Тавиденкова. На камне были также обнаружены отпечатки пальцев Ивана Терентьевича Костомарова – одного из рабочих жадных до денег партнёров.

В алчности Тавиденкова и Кобылкина можно было бы обвинить строительный бум, но, как говорит русская народная мудрость, «Свинья грязи всегда найдёт». Или, как писал всё тот же уважаемый учителем Королёвым, да, пожалуй, и многими другими, Томас Джозеф Даннинг: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте десять процентов, и капитал согласен на всякое применение, при двадцати процентах он становится оживлённым, при пятидесяти процентах положительно готов сломать себе голову, при ста процентах он попирает все человеческие законы, при трёхстах процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Контра-

банда и торговля рабами убедительно доказывают вышесказанное».

Наполеонов в который раз подумал о том, что капитализм – это зло. Особенно наш отечественный, который со временем становится палкой о двух концах.

Ох, не зря предупреждал в своё время великий русский философ Николай Бердяев:

«Буржуа – всегда раб.

Он раб своей собственности и денег.

Он раб тех рабов, которых эксплуатирует и которых боится».

И вот теперь ему, следовательно Наполеонову, чувствуящему себя частью своего народа, предстоит обвинить в убийстве несимпатичной ему жертвы рабочего человека. И, несмотря на то что всё его естество протестует против этого, он обязан это сделать, потому что он служит всему обществу и закону. Как же хотелось ему, чтобы это сделал за него кто-то другой, но увы.

В процессе дознания выяснилось, что у Костомарова не единожды возникали конфликты с Тавиденковым. А накануне убийства они во время ссоры так кричали друг на друга, что многие слышали, как Фрол Евгеньевич орал во всю глотку, что его терпение закончилось и он вышибет строптивого рабочего вон со своего предприятия. Костомаров не оставался в долгу и грозил вышибить из хозяина дух.

Работающие на предприятии разделились на две нерав-

ные группы. Та, что была в меньшинстве, считала, что Костомаров, как настоящий мужик, сдержал своё слово. Но большинство уверяло следователя, что Иван не стал бы марать рук об эту, как они выражались, «гниду».

Сам Иван Терентьевич не отрицал того, что частенько ругался с Тавиденковым, и от своих угроз не отказывался. Но твердил, что не трогал хозяина и пальцем, хотя руки у него постоянно чесались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.